

Щеки Вэй Цзи порозовели от смущения. Изменившись в лице, Цзян Чжэн повернулась к Цзян Яню и холодно бросила:

— Собирайся, пойдешь со мной во дворец.

Зачем нужно было отправляться во дворец посреди ночи, было очевидно без лишних слов.

Цзян Чжэн тоже не любила Старшую госпожу, но, в отличие от Цзян Яня, сколь бы сильно ни испытывала отвращение, она умела улыбаться и сидеть с ней за одним столом.

Всего лишь лишенная зубов и когтей старуха из глубин гарема, она вовсе не стоила того, чтобы из-за нее гневаться и портить кровь.

К сожалению, Цзян Янь этого не понимал, и Цзян Чжэнь пришлось лично тащить его во дворец.

Цзян Янь упрямо вытянул шею, отказываясь идти, но стоило ему перевести взгляд на Вэй Цзи, как выражение его лица слегка смягчилось.

Раз уж сама Ее Высочество принцесса пожаловала, дела у Старшей госпожи, судя по всему, шли из рук вон плохо. Если он не покажется на глаза в такой момент, это будет крайне неуместно.

Вэй Цзи хотел было еще немного поугаваривать Цзян Яня, но, вспомнив о его давней вражде со Старшей госпожой, в глубине души не желал заставлять его поступать против воли.

Вэй Цзи взял со стола свиток с буддийскими текстами, преподнес его Цзян Чжэн и тихо сказал:

— Это сутры, переписанные Его Высочеством. Достаточно ли взять с собой только их?

Перед Вэй Цзи он был невероятно горд и дорожил своей репутацией.

-

После ухода Цзян Яня и Цзян Чжэн в огромной спальне остался лишь один Вэй Цзи. Цзинь Фужуй велел слугам внести несколько блюд с фруктами и принести свежего чая.

Цзян Чжэн вовсе не рассердилась. Уголки ее губ изогнулись в улыбке:

— Верно, она старая ведьма, она этого не заслуживает, но она скоро умрет. Как бы они ни

боролись при жизни, сколько бы ни соперничали, после смерти с собой ничего не унесешь.

— Пойдем со мной навестим ее, дадим ей узнать, что мы живем прекрасно, чтобы она испустила дух в обиде и гнев и даже умерев не смогла сомкнуть глаз.

Вэй Цзи почтительно поклонился и поблагодарил:

— Благодарю вас, евнух.

Цзян Чжэн хлопнула малышку по маленькой попке:

— Поговорим во дворце. Сейчас твой дядя ни за что не опустится на четвереньки, чтобы покатать тебя.

Заметив это, Цзян Чжэн улыбнулась:

— Маленький господин Вэй ведь не станет никому рассказывать, что я тут наговорила?

Чжао Вэнь покрутила глазками и шепнула Цзян Чжэн на ухо:

— Матушка, я хочу покататься на большой лошадке-дядюшке.

Поняв, что ляпнул лишнее, Вэй Цзи поджал губы.

Цзян Янь, судя по всему, смутился: их взгляды встретились, и он тут же отвел глаза.

Вэй Цзи заставил себя отбросить лишние мысли, слово за словом вчитываясь в лежащую перед ним книгу, и его душевное спокойствие постепенно восстановилось.

Произнося эти слова, Цзян Чжэн звучала исключительно мягко.

Лишь когда солнце скрылось за горизонтом, Цзян Янь вернулся, окутанный багрянцем закатных лучей.

Вэй Цзи покачал головой:

— Нет.

Вэй Цзи сперва растерялся, но тут же сообразил, что Цзян Янь спрашивает, удалось ли ему

здесь вздремнуть.

Наследный принц отправился во дворец, и вернуться быстро он явно не мог. Свободного времени было вдоволь, и Вэй Цзи достал полистать томик.

Зная, что Вэй Цзи робок, Цзян Янь нахмурился:

— Чего ты его пугаешь?

Лицо Вэй Цзи побледнело, он поспешно закрыл уши маленькой уездной княжны, страшно боясь, что ее испугают столь крамольные речи.

Цзинь Фужуй улыбнулся:

— Вы просто ввергаете раба в трепет. Если понадобится еще, пусть маленький господин Вэй смело отдаем приказы, а я подожду у дверей.

Было ли это написано рукой Цзян Яня — неважно, главное, что Старшая госпожа тяжело больна, а наследный принц переписывает сутры, чтобы вымолить для нее благословение.

Глядя на два оставшихся на столе свитка, Вэй Цзи вздохнул. Он подошел, аккуратно свернул их и водворил обратно в кожаный тубус.

Цзян Чжэн перехватила Чжао Вэнь из объятий Вэй Цзи и, услышав это, с улыбкой спросила Цзян Яня:

— Вздремнуть? Где это ты позволил маленькому господину Вэю вздремнуть?

Чжао Вэнь уютно устроилась на коленях у Вэй Цзи. Когда тот закрывал ей уши, она моргала своими черно-белыми ясными глазами, источая чистейшее простодушие.

В комнату ворвался холодный ветер. Сердце Вэй Цзи металось так же хаотично, как и трепещущие страницы книги. Он застыл на стуле, ошеломленно глядя на стоящего в дверях наследного принца.

Цзян Янь бросил взгляд на Вэй Цзи и бросил через плечо Цзян Чжэн:

— Не твое дело.

Цзян Янь резким движением шагнул вперед, выдернул свиток из рук Цзян Чжэн и холодно усмехнулся:

— Разве эта старая ведьма заслуживает подобного?

Вэй Цзи молча кивнул в знак согласия.

Цзян Чжэн приняла оба бумажных свитка, чуть приподняв тонкие длинные брови, и многозначительно произнесла:

— И впрямь он писал?

Вэй Цзи опустил голову еще ниже и, отвечая невпопад, произнес:

— Да... почерк Его Высочества.

Едва тот приблизился, Вэй Цзи пришел в себя, в панике вскочил на ноги и сбивчиво спросил:

— Со Старшей госпожой всё в порядке?

Цзинь Фужуй вывел остальных слуг во двор.

Упоминание о ней заставило глаза Цзян Яня потемнеть от холода:

— Пока жива.

— А мне плевать. — Цзян Чжэн, прижимая к себе Чжао Вэнь, направилась к выходу и бросила на ходу: — Смотри потом не проси меня о помощи.

Вэй Цзи приоткрыл рот, со страхом глядя на Цзян Яня.

Заметив дурное настроение Вэй Цзи, малышка протянула пухлую ручку и похлопала его по спине, утешая.

Вэй Цзи:

— ...Ваш покорный слуга не станет.

Цзян Янь скинул верхнее ханьфу и небрежно повесил его на ширму. Бросив на Вэй Цзи взгляд исподлобья, он как бы между прочим поинтересовался:

— Ты спал?

— Я отправлюсь во дворец провести ее, а ты жди меня здесь. — Цзян Янь посмотрел на покрасневшие от бессонницы веки Вэй Цзи и тихо добавил: — Устал — поспи.

Она подняла руку, чтобы аккуратно поправить воротник на одежде Цзян Яня, а ее яркие глаза излучали улыбку:

— А вот ты — другое дело. У тебя есть император-отец и императрица, есть я, есть маленький Вэй, и впереди еще пропасть времени для долгой жизни.

Цзян Чжэн громко рассмеялась и добродушно произнесла:

— Ладно-ладно, моя вина. Я просто пошутила, маленький господин Вэй, не принимай близко к сердцу.

На душе у него царил полный кавардак. Он тревожился, что в разговоре со Старшей госпожой Цзян Янь ляпнет что-нибудь дерзкое, и в то же время трепетал от той едва уловимой, зыбкой двусмысленности, что висела в воздухе до появления маленькой уездной княжны.

По спине Вэй Цзи прокатилась волна холодного пота, и он заикаясь выдавил:

— Я... ваш покорный слуга не буду.

Цзян Янь ничего не ответил, лишь протянул Вэй Цзи багрово-красный плод.

Этот фрукт назывался хунфаньго — его привозили в качестве дани из заморских стран. Весной он цвел, осенью плодоносил, и пока его доставляли сюда из закровов за тысячи ли, Дайюн уже погружался в зиму.

До появления в Восточном дворце Вэй Цзи даже не видывал таких плодов. Под толстой кожурой скрывалась ярко-алая мякоть.

Цзян Янь обронил:

— Их только что прислали из заморских земель, в Восточный дворец они попадут, пожалуй, только завтра. Я стащил его из кабинета императора.

Вэй Цзи ошеломленно уткнул, судорожно сжав край рукава.

С тех пор как он обмолвился, что этот фрукт невероятно сладкий, все до единого плоды хунфаньго, причитающиеся Восточному дворцу, неизменно оседали во рту Вэй Цзи.

Шкурка у плода была толстой, счищать ее непросто. Цзян Янь взял небольшой нож в золотых ножнах, инкрустированных бирюзой, разрезал фрукт пополам и протянул Вэй Цзи.

Цзян Янь велел Цзинь Фужую принести серебряную ложечку, чтобы Вэй Цзи мог вычерпывать мякоть.

Вэй Цзи поблагодарил его, взял хунфаньго и откусил кусочек.

Фрукты из жарких краев неизменно славились сладостью и изобилием сока. Брызги окрасили бледные губы Вэй Цзи так, будто он нанес помаду — они стали ярко-алыми, заставляя уязвленное сердце замирать от желания прикоснуться.

Цзян Янь сам не заметил, как подался ближе.

Отбрасывая тень, словно раскидывающуюся сеть, он постепенно накрывал Вэй Цзи собой.

Вэй Цзи ощутил его приближение, дыхание на миг пресеклось. Подняв взгляд на Цзян Яня, источавшего все ту же липкую, удушливую ауру, он встретился с его влажными глазами, казалось, вобравшими в себя весь мир.

Это происходило уже в третий раз: Цзян Янь предпринимал попытку поцеловать его.

В голове у Вэй Цзи образовалась звенящая пустота, в горле застрял ком. Резко качнувшись вбок, он от испуга соскользнул со стула.

Опомнившись, Цзян Янь торопливо поднял Вэй Цзи:

— Что же ты такой неуклюжий, не ушибся?

Вэй Цзи остолбенело смотрел на него, лицо пылало жаром, а взгляд был опущен — поднять глаза на Цзян Яня он не смел.

Заметив, что Вэй Цзи весь покраснелся, губы алеют, а дыхание сбилось, Цзян Янь несколько раз склонялся к нему, явно желая поцеловать, но словно не зная, с какой стороны подступить, всё медлил и не решался прижаться.

Наконец, досадливо надувшись, он отвернулся.

После долгого молчания Цзян Янь, стоя к нему спиной, сухо бросил:

— Говори же что-нибудь!

В голове у Вэй Цзи царил полный кавардак, и он испуганно пролепетал:

— Что ваше высочество желает услышать от вашего покорного слуги?

Цзян Янь украдкой покосился на него:

— Почему у тебя такое красное лицо?

Не зная, притворяется тот или действительно ничего не понимает, Вэй Цзи зашевелил губами и лишь спустя долгое время выдавил:

— Ваш покорный слуга сам не знает почему.

— Стоит мне приблизиться, как ты тут же краснеешь. — Кадык на горле Цзян Яня дернулся, и он сбивчиво выдохнул: — Т-ты... неужели ты ко мне равнодушен?

В голове Вэй Цзи громынуло — словно что-то взорвалось прямо возле уха. От ужаса он едва не подпрыгнул, а голос его сам собой взлетел на октаву выше:

— Ваш покорный слуга не испытывает подобного!

Цзян Янь тут же резко повернулся к нему. Уши его пылали алым, и он с упреком выпалил:

— Как это не испытываешь? Кто это зимой боялся, что я замерзну, и являлся во дворец на несколько четвертей часа раньше, чтобы обогреть ладонями всё, к чему мне предстояло прикоснуться?

— Это... ваш покорный слуга.

— А кто летом боялся, что мне жарко, и тайком совал мне в руки куски льда?

— Ваш покорный слуга.

— А кто, помогая мне справляться с внезапными проверками императора-отца, до рассвета зубрил со мной книги?

— Ваш покорный слуга.

— А кто, чтобы меня развеселить, тайком проносил извне всякие безделушки, каких во дворце отродясь не бывало?

— Ваш покорный слуга.

— А кто боялся, что меня станут корить чиновники-цензоры, и ночами напролет переписывал сутры?

— Ваш покорный слуга.

— И кто целыми днями только и думал, как угодить мне, и мечтал стать законной супругой наследника?

— Ваш покорный слуга.

Закончив фразу, Вэй Цзи внезапно понял, что сморозил глупость. Осознав, на какую крамольность он только что ответил утвердительно, он резко вскинул голову и в ужасе выпалил:

— А вот это вовсе не ваш покорный слуга!

Цзян Янь хмыкнул:

— Можешь не оправдываться, я и так знаю все твои мысли.

Вэй Цзи чувствовал себя невероятно оклеветанным. Всё, что он делал, было лишь долгом верного компаньона по учебе. С какой стати в глазах наследного принца это превратилось в умышленное совращение?

— Ваш покорный слуга вовсе не оправдывается, просто... тогда мы были еще детьми, да и с вашим высочеством сошлись близко, когда мне исполнилось всего четырнадцать.

Разве мог он питать подобные чувства?

Цзян Янь широко распахнул глаза, а его уши покраснели еще сильнее. Отвернувшись от стыда, он пробормотал:

— Т-ты... ты начал строить на меня планы уже в четырнадцать лет.

Вэй Цзи:

— ...

-

Покинув пределы императорского дворца, Вэй Цзи ббрел словно потерявший душу призрак, совершенно не понимая, как все могло пойти так далеко.

Его Высочество наследный принц убежден, что тот питает к нему тайные и запретные чувства. Чем отчаяннее Вэй Цзи оправдывался, тем сильнее запутывался, лишь укрепляя принца в мысли о его нечистых помыслах.

Лицо Вэй Цзи омрачилось тучей, на сердце царила паника. Неужели все эти недавние попытки наследного принца сблизиться объяснялись тем, что он ошибочно принял его преданность за романтическую страсть?

Что же теперь делать?!

Вернувшись в поместье маркиза, Вэй Цзи заперся в покоях, и жар с его лица не спадал до самого вечера.

Старшая госпожа прислала служанку с вестью, что для Вэй Цзи приготовили куриный суп с женьшенем — для поддержания сил, и велела ему явиться к ужину.

В груди Вэй Цзи шевельнулось глухое раздражение. Заглушив это чувство, он сменил одежду и направился к Старшей госпоже.

Вэй Цзунцзянь сегодня тоже был дома, вместе с новой женой госпожой Линь и двойняшками — братом и сестрой, которые были младше Вэй Цзи на семь лет.

— Братец!

Увидев появление Вэй Цзи, оба ребенка тут же подбежали к нему.

Вэй Цзи отличался мягким нравом и добрым сердцем, а потому безумно нравился детям. Когда Вэй Цзунцзянь служил в Лянчжоу, малыши повсюду ходили за Вэй Цзи хвостиками.

После возвращения в столицу их отношения почему-то охладели. Старшая госпожа запрещала им носиться по двору, а госпожа Линь, будучи мачехой, разумеется, не смела ослушаться свекрови, куда строже взявшись за воспитание двойняшек.

Вэй Цзи выдал каждому по куску сдобной сладости, и дети пришли в восторг, принявшись лгнуть к нему и выпрашивать еще.

Восседавшая во главе стола Старшая госпожа взмахнула рукой:

— Ну будет, дайте брату поесть. Пробыв в Восточном дворце столько времени, он наверняка наголодался.

Она с материнской лаской обратилась к Вэй Цзи:

— Садись скорее за стол.

Вэй Цзи молча поклонился и, подчиняясь воле Старшей госпожи, с окостенелым видом опустился рядом с ней.

За трапезой Старшая госпожа то и дело расспрашивала его о здоровье. Вэй Цзи чувствовал себя крайне неудобно, на любые ее слова отвечая с почтительной осторожностью, а рвавшаяся с языка фраза «Я хочу оставить службу» так и осталась зажатой между зубами, не решаясь сорваться.

Вэй Цзи планировал в будущем году сдавать императорские экзамены и желал вернуться домой, чтобы как следует подготовиться.

<http://bllate.org/book/18661/1799253>